

Magtymgulynyň goşgulary / rus dilinde

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Magtymgulynyň goşgulary / rus dilinde ■ Не пристало

(пер. Ю. Валича)

Ханского сына из пышных шатров
В хлев на обед приглашать не пристало.
В поле пастух выгоняет коров,
Войско ему снаряжать не пристало.

Мудрый совет помогает везде.
Другу достойный поможет в беде.
Что ты ответишь на Страшном суде?
Мудрых о том вопрошать не пристало.

Доблестный перед грозой не дрожит.
Станет героем не каждый джигит.
Пятится рак. От ползет — не бежит.
Дом свой родной забывать не пристало.

Знай — благотворно познания вино, —
Мертвым сулить исцеленье смешно.
Ворону жить семь столетий дано.
Времени ход нарушать не пристало.

Не побоишься тернистых дорог —
Двери отворятся в горний чертог.
Рекам, что слились в единый поток,
Мертвых пустынь орошать не пристало.

Сердце Фраги, ты сегодня в огне:
Павшие в битвах привиделись мне.
Горькую тризну в печальной стране
Песней надежд оглашать не пристало.

* * *

■ Горы в тумане

(пер. А Тарковского)

Вершины гор в тумане млечном,
Они нам не видны зимой.
Не следует о муже встречном
Судить по внешности одной.

Тот прочь ушел, другой садится.
Над недостойным люд глумится.
Огонь любовный разгорится —
Таится тот, кричит иной.

А предо мною на просторе
Моих надежд играло море!..
Джигит и в нищете и в горе
Идет дорогою прямой.

Но если рок вам сердце точит,
Над вами зря Лукман хлопочет.
Луна вернуть напрасно хочет
Товар, закупленный Землей.

Стесняет буйного одежда.
Пленен пороками невежда.
Трусливого живит надежда
За крепкой спрятаться стеной.

Стою с поникшей головою:
Что сделал мой язык со мною?
Но только трус не рвется к бою,
Чтоб лечь костями за край родной.

И кто Махтумкули осудит
За то, что он не позабудет,
Что правде слово дал и будет
До гроба верен клятве той.

* * *

■ Желание

(пер. А. Тарковского)

Как плоть возврата бытия,
Изведав смертный сон, желает,
Окровавленная моя
Душа иных времен желает.

Меджнун, от родины вдали,
В глухих краях чужой земли,
Своей смеющейся Лейли,
Слезами опьянен, желает.

Ища Ширин, из града в град
Бредет измученный Фархад;
Ее живительных наград,
Уже испепелен, желает.

Вамик, попавший наконец,
К своей Азра, в ее дворец,
Свободы ищет, как беглец,
Расторгнуть злой полон желает.

Пригож Юсуп, как божество,
В свое не веря торжество,
Зулейха смотрит на него,
Сдержать любовный стон желает.

Фраги недугом истомлен:
Объединителя племен
Прихода благостного он,
В Туркмению влюблен, желает.

* * *

■ Ищу спасенья

(пер. А. Тарковского)

Я — раб любви, гоклен с Атрека,
Властительницу чар ищу.
Наставника в пустыне века,
Успокоенья дар ищу.

Судьбою изгнанный сурово
Из-под родительского крова,
Лишенный края дорогого,
Я праздничный базар ищу.

Брат Абдулла — зеница ока —
Исчез. Мамед-Сапа далеко.
Я покровительства пророка,
Глотая слезный жар, ищу.

И сердце мечется, как птица,
И горько мне, и кровь мутится:
Не знаю, где мне притаиться,
Куда бежать? Мазар ищу.

Гулял я по лугам невинным,
Пел небесам, горам, долинам,
А ныне в логове змеином
Я звонкий свой дутар ищу.

Махтумкули в годину мщенья,
Как цепь, влачит свои мученья.
Ты где, Туркмения? Спасенья,
Приняв судьбы удар, ищу.

* * *

■ Лебеди

(пер. А. Тарковского)

Странники, взгляните на меня.
Кто еще, подобно мне томиться?

Мотыльки, любовники огня,
Кто из вас к блаженству не стремиться?

Ветер, ветер, ты в чужих краях
Пел в ушах, вздымал дорожный прах...
Есть ли в мире справедливый шах,
Где его счастливая столица?

Муж святой, ты видел горний рай,
Ты земной благословляешь край,
А по белу свету ходит бай.
Укажи, где нищете укрыться?

Дудку сделал я из тростника –
Ростовщик услышал должника.
Птицы вы мои! От ястребка
Разве может спрятаться синица?

Рыба, ты и лодка и гребец,
Синяя пучина твой дворец.
Есть ли в мире остров, где беглец
Вечных бедствий мог бы не страшиться?

Мир-завистник, ты, как время, стар,
Отнимаешь свой блаженный дар...
Есть ли на земле такой базар,
Где алмазы по грошу кошница?

В мире есть красавица одна,
Словно двухнедельная луна;
Родинка ее насурьмлена, –
Кто с моей избранницей сравнится?

На земле моя Менгли жила,
Обожгла мне сердце и ушла.
У меня в груди ее стрела.
Где она? Какой звезды царица?

Я скучаю по родным краям.

Ты гулял ли с нею по горам?
Дай мне весть – по прежнему ли там
Дождь идет, седой туман клубится?

За годами промелькнут года.
Новые возникнут города.
Кто мне скажет – будет ли тогда
По Корану человек молиться?

Народится новая луна –
Не навеки сгинула она.
Для ростовщика возведена,
Будет ли надежная темница?

Мало говорил Махтумкули, –
По глазам печаль его прочли.
Лебеди отеческой земли,
Иль не горько с вами разлучиться?

* * *

■ Гурген

(пер. Г. Шенгели)

Вершины горные: туманы там и тут;
Морского ветра вой среди высот Гургена;
Когда промчится дождь, безумствуя режут
Потоки мутные вспененных вод Гургена.

Леса густые – по берегам тростник;
Красавиц в серебре пестрит живой цветник;
Там серая овца, конь белый, черный бык,
Там буйвол есть и тур: обилен скот Гургена!

Там неров с майями тяжелые ряды;
Купцы, погонщики толпятся у воды;
И всюду высятся слоистые гряды
Неколебимых скал, – как бы оплот Гургена!

Джигиты шаль спешат вокруг стана затянуть
И с ловчим соколом в опасный скачут путь.
И ветру влажному лань подставляет грудь;
Оленьим зовом полн весь небосвод Гургена!

Махтумкули прошел немало разных стран,
Но в сердце никогда не чуял столько ран:
Вот пери нежная, колеблясь как джейран,
Отыскивает брод среди буйных вод Гургена!

* * *

■ Пришлось

(пер. Т. Стрешневой)

Любовь и море не имеют дна,
В безмерной страсти мне гореть пришлось.
Играет сердцем, как щепой волна,
Безумство волн мне одолеть пришлось.

Я спал. Был грозен пробужденья миг.
Любовь трудна, я это знал из книг.
Но глубины страданья не постиг,
За это муку мне терпеть пришлось.

Любовь, как вздох, как трепет ветерка,
Едва коснувшись – снова далека.
И все острее, и все светлей тоска,
О прошлом счастье мне скорбеть пришлось.

Как маленькое солнце твой зрачок,
Костер любви огнем меня обжег,
Я счастлив тем, что я любовь сберег,
Что мне ее запечатлеть пришлось.

Тебе вручен неоценимый дар.
Будь с хрупкой вазой бережным, гончар,
К ней тянет руки грубые базар.
Венцом любви тебе владеть пришлось.

Отравленного выпил я вина.
И только ты ценить меня вольна,
Я крепость строил – рухнула стена.
В свою же мне попасться сеть пришлось.

Махтумкули, по воле волн, плыви,
Нет берегов, страдалец, у любви,
Друзей на помощь больше не зови,
Рабом любви мне умереть пришлось.

* * *

■ Не знаю

(пер. М. Тарловского)

Вдаль сердцем рвусь – решимости в избытки,
Но крыльев нет, и как взлечу – не знаю,
Могу прочесть все книги я, все свитки,
Но много ль знаний получу – не знаю.

Мудрец не скажет: все мне в мире ясно,
Мы многое познать еще не властны.
Напиток знанья терпкий и прекрасный...
Тянусь рукой... Как рот смочу, – не знаю.

Я – взаперти, кто скажет, что снаружи.
Не знаю сам, что лучше и что хуже.
И с каждым днем мой кругозор все уже.
Где право выйти получу, – не знаю.

Не разберу я – холод или пламя?
Скрыт в сердце смысл, но за семью замками.
Кого на путь направляю я словами?
Зачем мой жребия я влачу, – не знаю.

Махтумкули, до бредней ветер падок.
Оставь ему весь этот беспорядок!
В пучине тайн трещит ладья догадок,
И руль ее зачем верчу, – не знаю!

* * *

■ Влюбленный скиталец

(пер. А. Тарковского)

Соль желаний всенародных,
Боль мечтаний полюбил я.
Розу лунную в небесном
Океане полюбил я.
Соловей — и шум и ссоры
В Гулистане полюбил я;
Водоверть косы тяжелой,
Как в дурмане, полюбил я;
Степь меня околдовала;
Путь скитаний полюбил я.

Гнал меня жестокий жребий
Через реки и долины,
Предо мною промелькнули
Горы Мекки и Медины,
Я блуждал в садах Эдема,
Видел призрачные крины,
И меня заполонили,
Привели в страну кручины.
Что мне делать? Сто печалей,
Сто страданий полюбил я.

Я один. В песках пустыни
Потонул мой взгляд. О, горе!
Для чего ты стрелы мечешь?
Ранен твой Фархад. О, горе!
Ты мне сердце истерзала.
В жилах — желчь и яд. О, горе!
Ослепленные надежды
По ветру летят. О, горе!
Так — рыдая — уголь жаркий
Заклинаний полюбил я.

Что за море предо мною?
Что за дикие утесы?
Догорающее тело
Жалят огненные осы.
Кто ты: голица? орлица?
Соловей среброголосый?
По семидесяти тысяч
Жалких пленных губят косы.
Киноварный шелк на тонком
Стройном стане полюбил я.

Приходи! Иль ты не видишь,
Как влюбленный раб томится,
Как меня в неволю манит
Черных кос твоих темница?
Неужели в злое время
Не должно мне счастье сниться?
Нищета впилась мне в душу,
тело точит огневица:
От руки твоей недоброй
Смерть в аркане полюбил я.

Милая меня отвергла:
Не желает на поруки
Взять полуживое сердце
У тюремщицы-разлуки.
Тяжело мне в ожиданье
Вздрагивать при каждом звуке
И ломать при встречах руки...
Злых бровей крутые луки
И ресницы злые — сотни
Стрел в колчане — полюбил я.

Так Махтумкули влюбленный
Стал добычею обманов.
Разнесли мою державу
Кони вражеских султанов.
Сто столиц в державе было,

Были тысячи духанов...
Я исчез, убитый милой,
Став золой, под землю канув,
Потому что слишком сильно
Цель скитаний полюбил я.

* * *

■ Сердцу

(А. Тарковский)

Довольно, сердце! Разомкни свой круг:
Я стражду в нем, как жалкий пленник в яме.
Жестокое, избавь меня от мук,
Не дай мне, сердце, изойти слезами.

Мой век промчался, как единый миг.
Я видел цель, но цели не достиг;
Был одинок – смутился и поник,
Обманутый тобою и мечтами.

И как слепой, склонив главу свою,
Поддерживал я ближнего, пою,
И стоны шлю в зенит и слезы лью,
Чуть белый свет забрезжит над степями.

Ты на дороге ждешь меня. Потом
С тобою мы извечный спор ведем,
И тяжело мне: я пьян твоим вином,
Я одинок, ты – что ни день – упрямей.

Но, может быть, иной понять готов
Беду мою и силу этих слов;
Мой голос прогремит среди холмов.
Суров Господь, и меч его – над нами.

Ни разума, ни глаз я не берег,
Желаниям препятствовать не мог,
И плачу я в сетях земных дорог,

А жизнь летит, как птица бьет крылами.

Бегу от гнета и горю в огне,
Я ликовал, служа твоей весне;
Был этот мир плохой опорой мне,
Остался я в пустыне с мертвецами.

Закрыв глаза, держал я путь в Иран;
Судьбой влекомый, я попал в Туран.
Трубит над миром вечный ураган,
Владеющий безумными сердцами.

Меня кружил и гнал великий страх,
Я золотом считал ничтожный прах,
Я видел гнет, я видел скорбь в домах,
Дела пустые были мне друзьями.

И жажду я, и тщетно жду дождя,
И пламенеет месяц, восходя:
Года летят, за днями дни ведя,
И я блуждаю, одержимый снами.

Мне кровь и желчь дают взамен питья
и тяжело мне бремя бытия.
Я полюбил – и стал Меджнуном я,
Красой Лейли опутан, как цепями.

Зовешь ты, сердце в Чин-Мачин, в Герат,
В подземный ад, где высится Сират...
А родинка чернеет, и горят,
Горят глаза под круглыми бровями.

Напрасно я чистосердечен был;
Погашен роком юношеский пыл.
А все-таки я зла не полюбил –
День истины мне светит мне и ночами.

Но в море справедливости мой плот
Не движется. Летит за годом год;

Как дервиш, раб Махтумкули бредет
К далекой тайне узкими путями.

Источник: © chitalnya.ru Goşgular